

ИСТОРИЯ И ЭКОНОМИКА

УДК 94(47).07

ХОЖДЕНИЕ ФАЛЬШИВЫХ АССИГНАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XVIII–НАЧАЛЕ XIX ВВ.

С. В. Кольчугина, Л. А. Карпова
Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия

CIRCULATION OF FALSE BANK NOTES IN THE TERRITORY OF THE PENZA REGION AT THE END OF XVIII– BEGINNING OF THE XIX OF CENTURIES

S. V. Kolchugina, L. A. Karpova
Penza state technological academy,
Penza, Russia

Summary. This article is devoted to a problem of circulation of false bank notes in the Russian Empire at the end the XVIII–beginning of the XIX centuries. Emergence in Russia at the end of the 1760th of paper money considerably simplified process of their fake that caused, together with known historical circumstances (for example, with events of Patriotic war of 1812), counterfeiting blossoming. The specified problem is considered on materials of the Penza edge which, being a part of the huge state, couldn't avoid in the history of those processes occurring in all Russia.

Key words: counterfeiting; fake of money; high treason; bank note.

Изготовление и сбыт фальшивых денег – серьезное государственное преступление, угрожающее экономической безопасности страны. В России расцвет фальшивомонетничества пришелся на период, связанный с появлением бумажных денег.

Государственные ассигнации были выпущены в обращение с 1 января 1769 г. По свидетельству современников, публика приняла их «с полной охотой и полной доверенностью» – уже давно в обращении находились казенные и купеческие векселя. Однако выдача векселей происходила в присутствии маклеров с обязательным оформлением документов, что исключало подлог. Появление же ассигнаций побудило «отдельные легкомысленные головы» несколько поправить свое материальное положение путем не совсем законных операций [1].

Простота исполнения ассигнаций первого образца облегчала их подделку. Ассигнации первого образца выпускались достоинством в 100, 75, 50, 25 рублей. «В июне 1771 года Правление банков информировало Госсовет о «переправленных» (из 25 – в 75-рублевые) ассигнациях». Способ подделки был описан в указе Екатерины II от 20 июля 1771 г. «...Известно нам стало, что в Санктпетербургский Банк для вымена Государственных ассигнаций вступило несколько подлинных ассигнаций, то есть 25-рублевых, переписанных в 75-рублевые таким образом, что цифирь второй, и в строках написанное словами двадцать выскоблены и вместо того вписаны цифирь седьмой, и в строках словами семьдесят, но оно при том так осторожно учинено, что при первом взгляде, и не будучи о том предуведомлену, трудно таковую подложность распознать...» [2, с. 290–291]. По этому же указу повелевалось провести изъятие ассигнаций 75-рублевого номинала и впредь бумажные деньги этого достоинства не выпускать.

В сложившейся ситуации была создана специальная комиссия, занимавшаяся разработкой мер борьбы с подделкой бумажных денег. Доклад комиссии и предложенные ею образцы ассигнаций с использованием новых средств защиты от подделки были утверждены императором Павлом I. Приступили и к изготовлению новых ассигнаций, но все они впоследствии были уничтожены, так как в начале правления Александра I произвести замену старых ассигнаций новыми посчитали нецелесообразным.

Между тем подделка денег продолжалась. В Ассигнационном Банке и правительстве становились известны все новые и новые случаи фальшивомонетничества, хотя этот процесс был довольно трудоемким и дорогостоящим. Первоначальной проблемой для фальшивомонетчиков была бумага для изготовления ассигнаций. Когда в 1786 г., впервые после выпуска в обращение в России бумажных денег, решено было произвести замену ассигнаций образца 1769 г., то среди прочих мер защиты от подделки были пересмотрены и требования к ассигнационной бумаге – предлагалось «сделать нового состава бумагу в отменном виде» [3, с. 34].

Вот, например, описание фальшивых кредитных билетов 3-рублевого достоинства: «Бумага простая (без внутренних знаков); сетка сделана без помощи машины; орел в щите неправилен; щиты на крыльях не одинаковы; овалы по сторонам орла не одинаковой величины; цифры достоинств «3» не похожи одна на другую. Вся пропись лицевой стороны сделана дурно. На оборотной стороне слова: «Извлечение из Высочайшего Манифеста о кредитных билетах» крупнее. Сетка, украшение, шрифт лицевой и оборотной стороны гравированы вглубь и печатаны литографическим способом» [4].

Таким образом, несмотря на усилия «мастеров», фальшивые ассигнации выявлялись. Проблема заключалась в непрерывном появлении новых.

В Пензенском крае также фиксировались подобные случаи. В частности, в 1790 г. Саранским уездным казначеем Терентьевым при сборе государственных податей с «новокрещенов» села Турдаки Саранской округи была найдена фальшивая пятирублевая ассигнация [5]. Однако не всегда было возможно уяснить степень вины подозреваемого.

25 октября 1793 г. дворовый человек помещицы Анны Бахметьевой Василий Поляков (70 лет от роду), проживающий в г. Саранске, принес в дом саранского купца Петра Антипова 100-рублевую ассигнацию и попросил ее заменить. Ассигнация показалась купцу подозрительной «...поелику имеющиеся на ней некоторые номера как усматривается сделаны пером и именно номер 100000, а подписи на оной хотя имеются, но только знак некоторой заключает в себе подобие подписи, коего и разобрать никак невозможно...».

У Полякова попытались выяснить, где он взял эту ассигнацию. «Он Василий на то ничего не ответствуя, схватя тою ассигнацию в руки сжавши в ком положил себе в рот начал жевать и не успел проглотить как он землемер Максимов и случившиеся при том купцом Никифором Крюковым, мещанином Федором Петровым и пахотным солдатом Григорием Колмаковым видя сумнение о фальшивости той ассигнации разжав ему рот усильным образом и не найдя оную у него во рту, а по усмотрению из руки его едва могли отнять...» Ассигнацию положили на стол и снова допытывались у Полякова, где он ее взял и зачем хотел сжевать. Тот же схватил ассигнацию со стола и стал рвать ее на мелкие части.

Василий был передан властям. По делу провели тщательное расследование: допрашивали не только обвиняемого, но и свидетелей, односельчан Полякова (для установления его морального облика). Обвиняемый показал, что

нашел ассигнацию около питейного дома, завернутой в белую тряпочку, а из-за слабости зрения не разобрал какого она достоинства.

20 мая 1794 г. 1-й департамент Верхнего земского суда, рассмотрев обстоятельства дела, решил, что: «...происшествие пооткрывает человека Полякова виновником, ибо ежели б он был прав и точно участвовал в одном только найденнии оной, то не должен был стараться уничтожить ее. В каком случае департамент, следуя Указу 775го апреля 28го не имеет нужды в его признании». В соответствии с действующими тогда законами был вынесен приговор: «...сказанного дворового человека Василья Полякова наказать кнутом, вырезав ноздри, поставя на лбу и на щеках указные знаки сослать вечно в каторжную работу в Иркутскую губернию...». От жестокой расправы Полякова спас преклонный возраст. 15 сентября 1794 г. по Указу Ее Императорского величества «...исходя древности и дряхлости его, по основанию процесса 2^й части 6 главы 10^й статьи от того избавляется, а вместо сего подтврдя ему наистрожайше дабы впредь на подобные поступки не дерзал отдать в жительство по прежнему...» [6]. Положительную роль в подобном смягчении приговора сыграло и то, что во время следствия односельчане давали положительные отзывы о поведении Полякова.

В начале XIX в. случаи изготовления поддельных денег участились. К 1802–1803 гг. относится обширная переписка, касающаяся обнаруженных фальшивых ассигнаций. Например, главный директор Ассигнационного Банка П. С. Свистунов в своих рапортах от 7 февраля и 16 апреля 1802 г. докладывал генерал-прокурору А. А. Беклешову о поступивших в банк фальшивых ассигнациях [3, с. 36; 7, с. 53; 8]. Последний, в свою очередь, разослал всем губернаторам циркулярное письмо с рекомендацией «усугубить начальническое тщание не только об открытии, но и об истреблении сего вредного промысла». Получил подобное и пензенский губернатор Ф. Л. Вигель [9].

Все приведенные выше сведения относились по времени к концу XVIII – первым годам XIX вв. Однако после нашествия Наполеона, в послевоенные годы, на денежное обращение России обрушилась новая волна фальшивомонетничества: к русским фальшивым ассигнациям присоединилось множество фальшивых ассигнаций великолепной французской выделки.

В частности, после ухода остатков «Великой армии», наводнившей Россию русскими ассигнациями, великолепно сделанными во Франции, уже в одном только 1813 г. было открыто фальшивок на сумму в 987 300 руб., то есть немного меньше, чем в предыдущие 26 лет – за все время обращения ассигнаций образца 1786 г. В период с 1813 по 1817 гг. в Ассигнационный Банк было представлено фальшивых ассигнаций на 5 614 380 рублей, что составляло всего 0,67 % всех ассигнаций образца 1786 года [7, с. 54].

Подавляющее большинство уголовных дел о хождении на территории Пензенской губернии фальшивых денег, которые рассматривали уездные суды, а затем ревизовала Пензенская палата Уголовного суда, заканчивались для подсудимых оставлением в подозрении, штрафами и строгими внушениями. Это объяснялось тем, что не были доказаны факты изготовления, умышленного выпуска в оборот заведомо фальшивых денег. Люди становились владельцами подделок по недосмотру, невнимательности или в силу того, что не могли отличить фальшивки от настоящих денег. Приведем несколько примеров.

Декабрь 1812 г. Чембарский уездный суд рассматривает дело крестьян села Поима Степана Соколова и Ивана Макеева. Макеев, получив от неизвестных владимирских крестьян за проданные им сорок четвертей зерна две 25-рублевые ассигнации, пытался разменять их у Соколова на более мелкие. Ассигнации оказались фальшивыми. Проведенное расследование доказательств в

изготовлении денег ни на Макеева, ни на Соколова не обнаружило. От наказания оба освобождены [10].

Декабрь 1813 г. татарин из деревни Черминева Саранского уезда Базей Матеев, после продажи его сыном Биктеем гороха, стал обладателем фальшивой 25-рублевой ассигнации, «которая ассигнация от одного Матеева отдана была по просьбе тамошней же округи деревни Ченаевки помещицы Спиридовой крестьянину Ивану Герасимову на обмен медных денег для отсылки к госпоже его в оброк».

В определении Уголовной Палаты по этому делу заключено: «А как оне люди есть непросвященные и безграмотные, то в таком случае в вину им сего причесть не можно. А к тому ж и повальным обыском оне одобрены...», [11] Матеева и Герасимова «...по не имению никаких видов к подозрению на них в делании таковых ассигнаций... учинить от дела свободными...» [12].

Найти истинного виновника было сложно. Ф. Ю. Зоден, вюртембергский офицер, рассказал, что его товарищ «получил от одного находившегося в Пензе штаб-офицера банкноту в 100 руб. серебром и хотел разменять ее у одного купца на серебро. Солдат, который был так неосторожен, что оставил банкноту в руках жены купца. Она сказала ему, чтобы он снова пришёл завтра, так как мужа не было дома. Как ему было предложено, солдат пошел утром, чтобы забрать деньги. Но как он удивился, когда русский возвратил банкноту, сказав, что она фальшивая». Тогда офицер «решил известить об инциденте полицмейстера и в его лице найти помощь». Представитель власти заявил, что «совершенно убежден в том, что купец банкноту обменял. Но так как отсутствовали обличающие доказательства, то официально вмешаться нельзя» [13]. Поскольку выдача денег была осуществлена добровольно, уголовного преследования не было.

Для того, чтобы избавиться от массы фальшивых ассигнаций, а их после войны было изъято на общую сумму 70 млн рублей (эта цифра сопоставима с половиной всех затрат России на Отечественную войну), в 1818 году предприняты были меры для совершенствования бумаги и усложнения оформления купюр нового образца.

Этим занималась Экспедиция заготовления государственных бумаг – комплексная организация по изготовлению денежных знаков и других государственных ценных бумаг. 1 мая 1819 г. были «Высочайше» утверждены правила обмена купюр старого образца на новые. Обмен должен был завершиться к 1 января 1821 г. [7, с. 3–4] Для его производства при всех казначействах Российской империи создавались специальные «променные пункты». Их деятельность не всегда была эффективной.

Например, при Инсарском уездном казначействе обменом денег ведал казначей Антон Левицкий, также включены были в променное присутствие правивший должность городничего бывший уездный судья князь Еникеев и городской голова Попов. Среди 27 865 рублей, обмененных в этом казначействе, оказалось 6 140 рублей фальшивых: десятирублевого достоинства – 2 940 рублей и пятирублевого – 3 200 рублей.

В июне 1824 г. Палата Уголовного суда вынесла решение: «...оному Левицкому за неосмотрительность в приеме вместо настоящих фальшивых ассигнаций и отступления от правил... сделать в присутствии палаты строгий выговор, чтобы он впредь в происхождении должности своей был осмотрительнее, и от предписанных правил не отступал, под страхом строжайшего по законам ответствения...» [14]. Кроме того, на имущество князя Еникеева, городского головы и самого Левицкого было наложено запрещение.

По действующим тогда законам все изъятое из обращения деньги сдавались в Государственный Банк для уничтожения. Уголовные же дела, по кото-

рым не были выявлены виновные в их производстве, сдавались в архив. Для виновных же основной мерой наказания была смертная казнь, хотя при Екатерине II альтернативой ей становятся телесные наказания и ссылка. Окончательно она была исключена «Уложением о Наказаниях Уголовных и Исправительных», утвержденных в 1845 г.

Библиографический список

1. Заварюхин В. Ю., Заварюхин Ф. В. Формирование законодательства по борьбе с подделкой денег. URL: <http://saransk.ruc.su/science/studium/2010/1/anot.pdf>
2. Полное собрание законов. Собр. перв. Т. XIX.
3. Алехов А. В. Подделка ассигнаций в России на рубеже XIX века // Нумизматический альманах. – 2003. – № 1 (23). – С. 33–40.
4. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 60. Оп. 1. Д. 1894. Л. 9.
5. Там же. Ф. 400. Оп. 1. Д. 73. Л. 1–2.
6. Там же. Ф. 23. Оп. 3. Д. 72. Л. 2–2 об., 3, 11–11 об., 15.
7. Вознесенский С. В. Первые сто лет Экспедиции Заготовления Государственных бумаг (1818–1918 гг.). – СПб. : Нестор-История, 2009. – 426 с.
8. Денисов А. Е. Бумажные денежные знаки России. 1769–1917. Ч. 1. – М. : Информэлектро, 2002. – 131 с. URL: <http://bumajdenznak2002.pdf>
9. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.
10. Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–3.
11. Там же. Д. 94. Л. 1.
12. Там же. Л. 1 об.
13. Зоден Ф. Ю. Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии. – Пенза : Изд-во ПГПУ, 2006. – 64 с.
14. ГАПО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 164. Л. 22 об., 23.

© С. В. Кольчугина

© Л. А. Карпова

УДК 338.5

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАВИСИМОСТИ ЦЕН НА ЖИЛУЮ НЕДВИЖИМОСТЬ ОТ ЦЕНООБРАЗУЮЩИХ ФАКТОРОВ

Н. Ю. Пузыня, М. А. Стоянова
**Санкт-Петербургский государственный университет экономики
и финансов, г. Санкт-Петербург, Россия**

THE EFFECT OF ECONOMIC FACTORS ON HOUSING PRICES

N. Y. Puzinya, M. A. Stoyanova
St. Petersburg state university of Economics and Finance, St. Petersburg, Russia

Summary. In the article the author uses regression analysis to examine the impact of economic factors on residential housing prices in Russian central and regional housing markets. The author concludes that in economically developed regions of Russia household income level has the greatest impact on housing prices while in underdeveloped regions prices are determined by cost of construction.

Key words: residential housing prices; regression analysis; economic factors; regional and central housing markets of Russia.

Под ценообразующими факторами понимается совокупность различных переменных, которые влияют на формирование уровня, структуры и динамики цен, определяя их повышательную или понижительную тенденцию.

В целях стабильного развития рынка жилой недвижимости, для осуществления контроля над рынком и снижения рисков инвестирования в недвижимость необходимо изучать как саму структуру и динамику цен, так и фак-